

Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения

Татьяна А. Фотекова, Евгения Н. Власова, Светлана В. Митрухина

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Российская Федерация,

Чочагай Н. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются проблемы психоэмоционального состояния подростков и молодежи Республики Тыва, которые различаются видами пользования Интернетом: адаптивным, неадаптивным и патологическим. Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн тестирования, проводившегося методом случайной выборки в 2023 г. (1028 чел.: 76 русских и 952 тувинцев). Для оценки психоэмоционального состояния лиц, включенных в исследование, использовался Симптоматический опросник SCL-90-R, нацеленный на выявление девяти симптоматических конструктов. Анализируются показатели трех из них: тревожности, депрессивности и соматизации, отражающей дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции.

Представлен сравнительный анализ показателей в группах, различающихся по онлайн-поведению и этнической принадлежности. Установлено, что для русской части выборки, независимо от варианта онлайн-поведения, характерен более высокий уровень соматизации (у 28,9% русских и 24,4% тувинцев), депрессивности (20% и 11,9%) и тревожности (25,4% и 12,1%).

Выявлены различия у представителей сравниваемых этнических групп с одинаковым онлайн-поведением. Как среди русских, так и среди тувинцев с патологическим вариантом пользования сети Интернет, чаще встречаются выраженные уровни соматизации, тревожности и депрессии. Этнические различия проявились в большей численности лиц с высоким уровнем соматизации и депрессии в группе русских с адаптивным онлайн-поведением в сравнении со сверстниками-тувинцами с аналогичным типом поведения. Высоким уровнем тревожности чаще характеризовались русские подростки и лица молодого возраста с патологическим вариантом пользования сети Интернет (71,4% и 28,6%).

Ключевые слова: Тува; подросток; молодежь; онлайн-поведение; тувинцы; русские; тревожность; соматизация; депрессия

Для цитирования:

Фотекова Т. А., Власова Е. Н., Митрухина С. В., Монгуш Ч. Н. Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. 2024, № 3. С. 136-158. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

Фотекова Татьяна Анатольевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: fotekova@yandex.ru

Власова Евгения Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: vlasova6510@gmail.com

Митрухина Светлана Владимировна — старший преподаватель кафедры фундаментальной медицины Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр-т Ленина, д. 90. Эл. адрес: mitruhina_sv@khsu.ru

Монгуш Чочагай Николаевна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии Тувинского государственного университета, Российская Федерация. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: chochagai_84@mail.ru

The severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and youth with different online behaviors in Tuva

Tatiana A. Fotekova, Evgenia N. Vlasova, Svetlana V. Mitrukhina

Katanov Khakass State University, Russian Federation,

Chochagai N. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the issues of the psycho-emotional state of adolescents and young people in the Republic of Tuva, who differ in the types of Internet use: adaptive, maladaptive, and pathological. The study was based on the results of an online survey conducted by random sampling in 2023, including 1028 participants: 76 Russians and 952 Tuvans. To assess the psychological well-being of the individuals involved in the study, the SCL-90-R questionnaire was used, which identifies nine different symptoms. Three of these symptoms were analyzed: anxiety, depression, and somatization, which reflect the distress caused by feelings of physical discomfort.

A comparative analysis of indicators among groups differing in online behavior and ethnicity is presented. The Russian part of the sample, regardless of the online behavior variant, was characterized by higher levels of somatization (28.9% of Russians and 24.4% of Tuvans), depression (20% and 11.9%), and anxiety (25.4% and 12.1%).

Differences were also revealed among representatives of the compared ethnic groups with similar online behavior. Among both Russians and Tuvans with a pathological use of the Internet, higher levels of somatization, anxiety, and depression were more common. Ethnic differences manifested in a higher number of people with high somatization and depression levels in the Russian group with adaptive online behavior compared to the Tuvan group with similar behavior. Anxiety levels were more frequently observed among Russian adolescents and young adults with a pathological online behavior pattern (71.4% and 28.6%).

Keywords: Tuva; teenager; youth; online behavior; Tuvans; Russians; anxiety; somatization; depression

For citation:

Fotekova T. A., Vlasova E. N., Mitrukhina S. V. and Mongush Ch. N. The severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and youth with different online behaviors in Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 136-158 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

FOTEKOVA, Tatyana Anatolyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of General Professional Disciplines, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenin Av., 655017, Abakan, Russia. E-mail: fotekova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2484-6049

VLASOVA, Evgeniya Nikolaevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General Professional Disciplines, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenin Av., 655017, Abakan, Russia. E-mail: vlasova6510@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5320-5232

MITRUKHINA, Svetlana Vladimirovna, Senior lecturer, Department of Fundamental Medicine, Katanov Khakass State University. Postal address: 90 Lenin Av., 655017, Abakan, Russia. E-mail: mitrukhina_sv@khsu.ru

ORCID ID: 0000-0002-8484-3210

MONGUSH, Chochagai Nikolaevna, Candidate of Psychological Sciences, Head, Department of Psychology, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: chochagai_84@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5746-8235

Введение

По данным отчёта ООН «Мировые демографические перспективы» 2024 г.¹, сегодня на Земле проживает 8,08 млрд человек. Количество уникальных пользователей мобильных телефонов на начало 2024 г. составило 5,61 млрд. Более 66% всех жителей нашей планеты пользуются Интернетом, общее число интернет-пользователей в мире составляет 5,35 млрд². Представители самой молодой возрастной группы чаще используют социальные сети, чем чаты и мессенджеры.

Ряд исследований, проведенных в последнее время, раскрывают некоторые особенности использования сети Интернет в зависимости от этнокультурных различий.

Масштабный проект по изучению распространенности интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири (трех регионов — Хакасия, Тува и Красноярск) был реализован учеными НИИ медицинских проблем Севера ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» г. Красноярск (Семёнова и др., 2020; Эwert и др., 2020).

При этом в смежных научных дисциплинах уже появились работы, посвящённые изучению особенностей использования сети Интернет населением Республики Тыва (Ламажаа, 2021; Кекеева и др., 2022). Т. Ц. Дугарова исследовала особенности стрессоустойчивости бурятских и тувинских подростков в условиях активного использования Интернета (Дугарова, 2015). Было показано, что тревожность у подростков бурятских и тувинских этносов находится на высоком уровне. В работе Л. С. Эwert с соавторами, направленной на изучение распространённости различных видов сетевого поведения у подростков Кызыла, утверждается, что в подростковой популяции Республики Тыва имеет место достаточно высокая распространённость патологического и неадаптивного пользования Интернетом (Эwert, Серен-оол, Сат, 2023).

Можно предполагать, что тревожность, депрессивность и склонность к соматизации имеют также этнические особенности.

Культурные различия в преобладании соматических или психологических симптомов дистресса обсуждаются в культурной психопатологии. Многочисленные исследования показали более высокие показатели соматизации у людей южно- и восточноазиатского происхождения (Hsu, Folstein, 1997; Zhou et al., 2011). Есть даже концепция «западной психологизации» и «азиатской соматизации» (Fagnu, 1982). Считается, что, например, китайцы значительно сильнее подчеркивают соматические симптомы при проявлении депрессии по сравнению с людьми западноевропейского происхождения.

Этнические различия в распространённости депрессивных и тревожных расстройств изучались среди различных этнических групп в Амстердаме (Нидерланды) (de Wit et al., 2008). Исследовалась популяционная выборка из 321 голландца, 231 турка, 191 марокканца, 87 жителей Суринама. Взвешенная распространённость депрессивных и/или тревожных расстройств за 1 месяц составила 6,6% (голландцы), 18,7% (турки), 9,8% (марокканцы) и 1,2 % (суринамцы/антильцы). Авторы пришли к выводу, что этнические различия в распространённости не могут быть объяснены только социально-экономическими факторами, следовательно этническая принадлежность является независимым предиктором возникновения психических расстройств. В целом показатели распространённости симптомов депрессии выше среди этнических меньшинств в значительной части европейских стран (Missinne, Bracke, 2012).

Целью нашего исследования было определение выраженности тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков (15–18 лет) и молодежи (19–21 лет) Тувы — представителей тувинского и русского этносов, в зависимости от вида онлайн-поведения и этнической принадлежности. Возрастно-половые различия при этом не учитывались.

В качестве задач рассматривался анализ распространённости типов онлайн-поведения, выявление выраженности соматизации, тревоги и депрессии у пользователей с адаптивным, неадаптивным и патологическим поведением в сети, а также определение этнических особенностей в изучаемых характеристиках.

¹Digital 2024: Global Overview Report [Электронный ресурс] // DataReportal — Global Digital Insights. 2024, 31 января. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 01.04.2024).

²Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] // WebCanape. 2024, 7 февраля. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 01.04.2024).

Обзор литературы

Распространенность патологического и проблемного использования Интернета оценивается по-разному. По некоторым данным она составляет 1,6% и 24,6% соответственно (Munpo et al., 2017). Интернет-зависимость рассматривают как мультифакториальное заболевание, в основе которого лежат нейробиологические и социокультурные причины (Kaess et al., 2017; Doh et al., 2020). Зависимость может проявляться в чрезмерном использовании сети Интернет, смартфонов и увлечения компьютерными играми. На основе анализа 53 исследований, проведенных в период с 2009 по 2019 гг., в которых приняли участие 226 247 участников из 17 разных стран, были сделаны выводы о том, что всемирная распространенность игрового расстройства составила 3,05%, или 1,96% по более строгим критериям. Эти оценки обладают значительной вариабельностью. Распространенность игрового расстройства во всем мире сопоставима с обсессивно-компульсивным расстройством и некоторыми зависимостями, связанными с психоактивными веществами (Тао et al., 2010; Yen et al., 2008; Stevens et al., 2021). Коморбидность¹ интернет-аддикции с другими психическими и поведенческими расстройствами в целом остается сходной коморбидности других аддикций. Среди интернет-зависимых отмечается более высокий уровень аффективных нарушений с преобладанием депрессии и обсессивно-компульсивных расстройств (Yen et al., 2008; Ko et al., 2008; Shapira et al., 2000; Young, 2013).

Поскольку подростки в силу возрастной незрелости префронтальной коры мозга не обладают сформированной произвольной регуляцией своего поведения, они более склонны к аддиктивному поведению, включая интернет-зависимость (King et al., 2013; Mak et al., 2014; Müller et al., 2015). По некоторым оценкам, 4,4% подростков в Европе страдают ею (Durkee et al., 2012). Исследование на двух репрезентативных выборках немецких подростков (N=9 293; 12–19 лет) показало, что интернет-зависимость встречалась у 2,6% из них (Müller et al. 2015, 2017). В своем систематическом обзоре В. Фенг и др. (Feng et al., 2017) приводят оценки распространенности игровой зависимости в диапазоне от 0,7% до 15,6% среди детей школьного возраста. Мета-анализ 16 исследований подростков, показал, что оценка распространенности составила 4,6% (Fam, 2018).

Существуют также многочисленные исследования зависимо от Интернета поведения в странах Азии. Так, К. К. Мак и др. (Mak et al., 2014) приводят обзор, где анализируется и сравнивается распространенность интернет-поведения и зависимости у подростков в шести азиатских странах — Китае, Гонконга, Японии, Южной Кореи, Малайзии и Филиппин. Владения смартфонами составляет в среднем 62%, цифры варьируются от 41% в Китае до 84% в Южной Корее. 11% подростков в Китае и 39% в Японии участвуют в онлайн-играх. В Гонконге наибольшее количество подростков ежедневно общаются или используют Интернет (68%). Интернет-зависимость на Филиппинах соответствует 21%.

Россия — одна из самых обширных пользовательских аудиторий в мире. При этом семь из десяти человек в возрасте 12–26 лет являются активными пользователями, что в два раза больше по сравнению с людьми более старшего возраста². Распространенность патологического поведения в Интернете среди подростков и молодых людей в нашей стране по результатам ряда исследований, проведенных в разных регионах варьирует от 6,8% до 23,6% (Трусова и др., 2019; Семенова и др., 2020). По данным Л. С. Эверт с соавторами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) патологический тип пользования сетью у подростков и молодых людей г. Кызыла (Тыва) соответствует 14,4%.

Предполагается, что вариабельность показателей распространенности объясняется влиянием демографических и культурных факторов.

Сформировавшаяся интернет-зависимость вызывает пагубные последствия и снижает качество социального и личностного функционирования, а также может сопровождаться нарушениями психического и физического здоровья (Трусова и др., 2019; Солдатова, Илюхина, 2021; Rumpf, 2018; Kuss, 2015). Это может привести и к физическому самоповреждению, и к цифровому селф-харму (*self-harm* 'самоповреждение'), которое связано с низкой самооценкой личности и уровнем ее социаль-

¹ Коморбидность — сосуществование у одного пациента двух или более заболеваний, синдромов или психических расстройств, связанных между собой единым патогенетическим механизмом или совпадающих по времени.

² Королькова С. Ю. Социальная активность молодежи // Молодой ученый. 2015. № 12.2. С. 39–40.

ной и/или академической тревожности (Макарова, 2023), к депрессии, импульсивности и обсессивно-компульсивным симптомам, бессоннице (Лановая, Фадеева, 2021), снижению социальной активности или нарушениям социальной адаптации (Лановая, Фадеева, 2021; Шакун, Лановая, Фадеева, 2022; Солодников, Зайцева, 2021), одиночеству и межличностным конфликтам (Özaslan et al., 2022), нарушению пищевого поведения, включая избыточный вес, снижению качества жизни (Stiglic, Viner, 2019).

Оценка уровня интернет-зависимости с учетом черт личности в соответствии с моделью «Большой пятерки» Косты и Маккрея показала, что добросовестность отрицательно коррелировала с интернет-зависимостью, в то время как открытость опыту способствовала этому (Peterka-Bonetta et al., 2019; Kuss et al., 2013, 2014). Также в этих исследованиях была установлена положительная связь между нейротизмом и интернет-зависимостью, но не между интернет-зависимостью и экстраверсией. В другом исследовании описаны депрессивность, тревожность, враждебное отношение к окружающим, агрессивность, импульсивность, психотическое поведение, застенчивость и нарушения самооценки (Rachubińska et al., 2021).

Среди сопутствующих проблем, связанных с интернет-зависимостью, сообщалось о депрессии, социальной тревожности, синдроме дефицита внимания / гиперактивности, враждебном и агрессивном поведении (Carli et al., 2013, Ko et al., 2012), а также о связи между симптомами интернет-зависимости и такими личностными особенностями как алекситимия, низкая экстраверсия, высокий нейротизм, психотизм, импульсивность и травматические переживания (Schimmenti et al., 2017). Д. Касс и др. (Kuss et al. 2013) относят повышенный нейротизм и низкую стоворчивость к факторам риска в отношении чрезмерного использования Интернета, тогда как депрессия, синдром дефицита внимания/гиперактивности и агрессия связаны со склонностью к зависимостям.

На основе использования Миннесотского многофазного личностного опросника для подростков (MMPI-A) на выборке из 224 старшеклассников обнаружены специфические психологические аспекты, касающиеся настроения и психотической зоны, а также низкая самооценка, проблемы в семье, школе и поведении у субъектов с патологическим использованием Интернета (Munno et al., 2017).

Исследование, проведенное на выборке из 714 учащихся средних школ в Южной Корее, также показало, что такие клинические характеристики, как СДВГ-симптомы, агрессивность, депрессия и тревога сыграли важную роль в тяжести интернет-зависимости (Jeong et al., 2020). В частности, аффективные компоненты, такие как депрессия и тревога, были достоверно связаны с чрезмерным использованием сети и смартфонов, тогда как агрессия, выражение гнева влияли только на чрезмерное использование Интернета.

М. А. Богомолова и Т. С. Бузина выявили, что повышение вероятности интернет-зависимого поведения подростков положительно коррелирует с высокими показателями тревоги в связи с оценкой окружающих, в ситуациях самовыражения, во взаимоотношениях с родителями (Богомолова, Бузина, 2018).

Многие отечественные авторы отмечают, что интернет-зависимость в среде подростков и юношей затрудняет социализацию, препятствует способности сделать карьеру, создать семью (Короленко, Дмитриева, 2001; Короленко, Лоскутова, 2004; Войскунский, 2015; Малыгин и др., 2015; и др.¹). Есть данные о том, что социальная тревожность, стремление к избеганию межличностных контактов и импульсивность оказывают значимое влияние на риск формирования интернет-зависимости (Трусова и др., 2020ab). Низкая добросовестность и высокий негативный аффект были идентифицированы как стабильные корреляты интернет-зависимости и, следовательно, могут рассматриваться как факторы риска (Müller et al., 2017). Вероятно, тревогу и депрессию следует считать значимыми предикторами патологического онлайн-поведения (Jeong et al., 2020).

Последствия интернет-зависимости способствует возникновению проблем со здоровьем. Была выявлена значительная положительная корреляция между интернет-зависимостью и психосоматическими расстройствами (Fatemeh et al., 2020; Лифинцева, Животягин, 2012). По данным опросника SCL-90-R, более 52% подростков отметили у себя разнообразные соматические симптомы (Лифинцева, Животягин, 2012).

¹ Кулаков С. А. Диагностика и психотерапия аддиктивного поведения у подростков: учеб.-метод. пособие. М.; СПб.: Фолиум, 1998.

Организация и методы исследования

Вначале исследования выявлялась распространенность различных видов онлайн-поведения: адаптивное пользование Интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и патологическое пользование Интернетом (ППИ) у подростков и молодых людей, проживающих в Республике Тыва с учетом их этнической принадлежности.

Вид онлайн-поведения определялся с использованием международно принятой шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чен (CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Величина суммарного балла шкалы CIAS от 27 до 42 расценивалась как наличие АПИ; 43–64 баллов — НПИ; 65 и выше — ППИ или интернет-зависимость (ИЗ).

Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн-тестирования, проводившегося методом случайной выборки в период с января по сентябрь 2023 г. и охватившего 1028 чел., в том числе — 76 представителей русского этноса и 952 представителя тувинского этноса, постоянно проживающих на территории Республики Тыва. Проведение исследования было согласовано с Министерством здравоохранения Республики Тыва и подтверждено соответствующим письмом Минздрава. Вторым этапом в организации исследования было информирование и получение согласия руководителей средних общеобразовательных школ, средне-специальных учебных заведений (колледжей, техникумов, училищ) и студентов 1–2 курсов Тувинского государственного университета. В соответствии с общепринятой в медико-биологических исследованиях возрастной периодизацией, к подростковому возрасту относили лиц 15–18 лет, к юношескому возрасту — лиц 19–21 лет.

Первый фрагмент онлайн-ссылки включал информацию о гарантии конфиденциальности полученных при тестировании сведений и неразглашении персональных данных с указанием соответствующих законов Российской Федерации. После ознакомления с данной информацией тестируемый давал в онлайн-ссылке согласие на прохождение тестирования и приступал к ответам на вопросы соответствующих опросников. Согласно закону РФ, лицам, достигшим 15-летнего возраста, предоставлено право самим дать согласие (или несогласие) на анкетирование и обследование, письменного информированного согласия родителей (или законных представителей) в данном случае не требуется.

В нашей работе проведение тестирования предполагало два варианта: в стенах учебного заведения (преимущественно, для учащихся 8–9 классов) или в домашних условиях (для учащихся 10–11 классов и студентов). Этническая принадлежность тестируемого определялась по этнической принадлежности его матери. По окончании онлайн-тестирования исследователями создана электронная база данных в формате Excel и сформированы группы сравнения по этнической принадлежности (русские и тувинцы). В случае не предусмотренного исследованием заполнения тестов лицами старше 21 года и/или не проживающих постоянно на территории Республики Тыва, результаты их тестирования в статистическую обработку не включались.

Нашим исследованием было предусмотрено изучение наличия и степени выраженности тревожно-депрессивных состояний и соматизации в сформированной случайным образом подростково-юношеской выборке Тувы в зависимости от особенностей онлайн-поведения и этнической принадлежности лиц, включенных в исследование. Сравнительный анализ возрастно-половых различий исследуемых характеристик психоэмоционального спектра планируется провести нами в будущем и представить их в будущих публикациях.

Для оценки психоэмоционального состояния лиц, включенных в исследование, использовался Симптоматический опросник SCL-90-R (Symptom Check List-90-Revised), нацеленный на выявление девяти симптоматических конструктов. В статье анализируются показатели трех из них: тревожности, депрессивности и соматизации, отражающей дистресс, возникающий из ощущения телесной дисфункции.

При статистической обработке полученных данных применялся модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М.: МГМСУ, 2011.

указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$. В статистический анализ включались только те опросники и шкалы, в которых подростками были даны ответы на все вопросы.

Результаты исследования

Одинаковое количество участников опроса (по 44,6%) характеризовались адаптивным и неадаптивным использованием сети Интернет, у остальных был выявлен патологический тип пользования.

Обнаружены некоторые этнические различия в особенностях поведения в сети. Анализ распределения типов использования сети Интернет среди 952 тувинских подростков и молодых людей показал, что у 416 чел. (43,7%) наблюдается адаптивный тип, у 433 чел. (45,5%) — неадаптивный и у 103 чел. (10,8%) патологический тип.

Среди 76 обследованных русских адаптивное пользование Интернетом обнаружено у 43 чел., что составляет 56,6% русской части выборки, неадаптивный тип характерен для 25 чел. (32,9%), и патологический тип встретился в 8 случаях (10,5%). Сопоставление этих данных показывает, что нет этнических различий в частоте встречаемости патологического типа пользования, однако среди тувинских подростков и молодых людей чаще, чем среди русских встречается неадаптивной тип. Таким образом, у тувинских испытуемых чаще проявляется дезадаптивное онлайн-поведение (НПИ+ППИ — 56,3%) по сравнению с русскими (43,4%).

С учетом данных, описанных в литературе, предполагается, что подростки с дезадаптивным онлайн-поведением могут иметь некоторые личностные особенности, предрасполагающие к возникновению неблагоприятных вариантов поведения в сети, и, возможно, закрепляющиеся и усугубляющиеся в процессе неадаптивного использования сети. К таким особенностям, вероятно, можно отнести склонность к соматизации.

Соматизация — это проявление психического нарушения в виде физических (соматических) симптомов. Расстройства, при которых возможно развитие соматизации, многообразны: от тех, когда симптоматика формируется бессознательно и непроизвольно, до тех, когда симптомы развиваются вполне осознанно. Этот континуум включает: соматические симптомы и связанные с ними расстройства, надуманные болезни, симуляция (не является психическим расстройством). При всех этих расстройствах пациенты обеспокоены в первую очередь соматическими симптомами (таб. 1).

Таблица 1. Уровень соматизации у подростков и молодежи русского и тувинского этносов с различным онлайн-поведением
Table 1. The level of somatization among adolescents and youth of Russian and Tuvan ethnic groups with different online behavior

Группы обследованных	Уровень соматизации						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. — русские с АПИ (n=43)	31	72,1 (57,3–83,3)	3	7,0 (2,4–18,6)	9	20,3 (11,4–35,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0619
2 гр. — русские с НПИ (n=25)	11	44,0 (26,7–62,9)	6	24,0 (11,5–43,4)	8	32,0 (17,2–51,6)	ав=0,1355 ас=0,3821 вс=0,5287

3 гр. — русские с ППИ (n=8)	2	25,0 (7,1–59,1)	1	12,5 (2,2–47,1)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,5218 ас=0,1306 вс=0,0389
4 гр. — тувинцы с АПИ (n=416)	326	78,4 (74,2–82,1)	45	10,8 (8,2–14,2)	45	10,8 (8,2–14,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
5 гр. — тувинцы с НПИ (n=433)	210	48,5 (43,8–53,2)	89	20,5 (17,0–24,6)	134	30,9 (26,8–35,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0005
6 гр. — тувинцы с ППИ (n=103)	32	31,1 (22,9–40,5)	18	17,5 (11,3–25,9)	53	51,5 (41,9–60,9)	ав=0,0229 ас=0,0030 вс<0,0001
Всего (n=1028)	612	59,5 (56,5–62,5)	162	15,8 (13,7–18,1)	254	24,7 (22,2–27,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,0215 ($\chi^2=5,28$)		p1-2=0,0458 ($\chi^2=3,99$)		p1-2=0,3094 ($\chi^2=1,03$)		
p1-3 (χ^2)	p1-3=0,0105 ($\chi^2=6,55$)		p1-3=0,5937 ($\chi^2=0,28$)		p1-3=0,0156 ($\chi^2=5,85$)		
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,3384 ($\chi^2=0,92$)		p2-3=0,4886 ($\chi^2=0,48$)		p2-3=0,1244 ($\chi^2=2,36$)		
p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=81,31$)		p4-5=0,0001 ($\chi^2=15,13$)		p4-5<0,0001 ($\chi^2=51,67$)		
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=86,31$)		p4-6=0,0640 ($\chi^2=3,43$)		p4-6<0,0001 ($\chi^2=89,02$)		
p5-6 (χ^2)	p5-6=0,0014 ($\chi^2=10,21$)		p5-6=0,4823 ($\chi^2=0,49$)		p5-6=0,0001 ($\chi^2=15,41$)		
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,3463 ($\chi^2=0,89$)		p1-4=0,4333 ($\chi^2=0,61$)		p1-4=0,0501 ($\chi^2=3,84$)		
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,6616 ($\chi^2=0,19$)		p2-5=0,6795 ($\chi^2=0,17$)		p2-5=0,9119 ($\chi^2=0,01$)		
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,7199 ($\chi^2=0,13$)		p3-6=0,7189 ($\chi^2=0,13$)		p3-6=0,5469 ($\chi^2=0,36$)		

Прим.: жирным шрифтом выделены p-значения, достигающие уровня статистической значимости.

Из данных таблицы видно, что значительный уровень соматизации присущ 254 (24,7%) обследованным подросткам и молодым людям, приживающим в Республике Тыва, и еще 162 чел. (15,8%) имеют умеренно выраженный уровень. Внутри выборки есть различия, обусловленные типом сетевого поведения и этнической принадлежностью.

У 53 (51,5%, ДИ=41,9–60,9) подростков и молодых людей тувинского этноса с патологическим типом поведения в сети обнаружен высокий уровень соматизации, в то время как аналогичные особенности имеют только 45 их сверстников с адаптивным онлайн-поведением (10,8% ДИ=8,2–14,2).

Для этой категории пользователей более характерен низкий уровень соматизации, он встречается у подавляющего большинства таких участников опроса (78,4%, ДИ=74,2–82,1). Значительно выраженный уровень соматизации присущ 134 подросткам (30,9%, ДИ=26,8–35,5) с неадаптивным интернет-поведением. Как видно, у половины (54,9%) пользователей с дезадаптивным поведением в сети наблюдается умеренно и значительно выраженный уровень соматизации. Статистический анализ подтверждает значимость различий в частоте встречаемости значительного уровня соматизации у тувинских пользователей с ППИ как в сравнении с группой АПИ ($p=0,0001$), так и в сравнении с группой НПИ ($p=0,0001$). Также среди пользователей с неадаптивным поведением значительно чаще фиксируется умеренно выраженный уровень соматизации по сравнению с группой АПИ ($p=0,0001$).

При анализе соответствующих данных в русской части выборки обнаружены аналогичные, но более явные различия. Так среди пользователей типа ППИ 5 чел. (62,5%, ДИ=30,6–86,3) имеют значительный уровень соматизации, а среди пользователей типа НПИ таких 8 (32%, ДИ=17,2–51,6). Различия между группами АПИ и ППИ достоверны на уровне $p=0,0156$. Также в группе русских с НПИ чаще встречается умеренно выраженный уровень соматизации в сравнении со сверстниками с АПИ ($p=0,0458$). А вот низкий уровень соматизации в группах ППИ и НПИ встречается значительно реже, чем среди типа АПИ ($p=0,0105$ и $p=0,0215$ соответственно). В целом у опрошенных русских с дезадаптивным онлайн-поведением в 60,6% выявлен умеренно и значительно выраженный уровень соматизации.

В то же время статистический анализ показывает, что даже среди русских участников опроса с адаптивным поведением в сети значительно выраженный уровень соматизации встречается в два раза чаще, чем среди тувинских испытуемых с таким же типом онлайн-поведения (20,3% и 10,8% и $1-4=0,0501$).

Если рассмотреть показатель соматизации с учетом только этнических различий (таб. 1), то оказывается, что для русской части выборки значительно выраженная соматизация в целом более характерна. Она встречается у 28,9% испытуемых против 24,4% тувинских. При этом умеренно выраженный уровень соматизации характеризует 13% русских и 16% тувинских участников исследования.

Таблица 2. Уровень тревожности у подростков и молодежи русского и тувинского этносов с различным онлайн-поведением

Table 2. Anxiety levels among adolescents and youth of Russian and Tuvan ethnic groups with different online behavior

Группы обследованных	Уровень тревожности						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. — русские с АПИ (n=28)	21	75,0 (56,6–87,3)	4	14,3 (5,7–31,5)	3	10,7 (3,7–27,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6862
2 гр. — русские с НПИ (n=24)	14	58,3 (38,8–75,5)	3	12,5 (4,3–31,0)	7	29,2 (14,9–49,2)	ав=0,0009 ас=0,0417 вс=0,1551
3 гр. — русские с ППИ (n=7)	2	28,6 (8,2–64,1)	0	0,0 (0,0–35,4)	5	71,4 (35,9–91,8)	ав=0,1266 ас=0,1088 вс=0,0053
4 гр. — тувинцы с АПИ (n=299)	264	88,3 (84,2–91,5)	26	8,7 (6,0–12,4)	9	3,0 (1,6–5,6)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0031

5 гр. — тувинцы с НПИ (n=380)	253	66,6 (61,7–71,1)	70	18,4 (14,8–22,6)	57	15,0 (11,8–18,9)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,2062
6 гр. — тувинцы с ППИ (n=98)	52	53,1 (43,3–62,6)	18	18,4 (11,9–27,2)	28	28,6 (20,6–38,2)	ав<0,0001 ас=0,0005 вс=0,0919
Всего (n=836)	606	72,5 (69,4–75,4)	121	14,5 (12,3–17,0)	109	13,0 (10,9–15,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3942
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,2015 ($\chi^2=1,63$)		p1-2=0,8508 ($\chi^2=0,04$)		p1-2=0,0924 ($\chi^2=2,83$)		
p1-3 (χ^2)	p1-3=0,0206 ($\chi^2=5,36$)		p1-3=0,2880 ($\chi^2=1,13$)		p1-3=0,0006 ($\chi^2=11,71$)		
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,1656 ($\chi^2=1,92$)		p2-3=0,3250 ($\chi^2=0,97$)		p2-3=0,0434 ($\chi^2=4,08$)		
p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=43,44$)		p4-5=0,0003 ($\chi^2=13,04$)		p4-5<0,0001 ($\chi^2=27,41$)		
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=56,42$)		p4-6=0,0081 ($\chi^2=7,01$)		p4-6<0,0001 ($\chi^2=57,06$)		
p5-6 (χ^2)	p5-6=0,0130 ($\chi^2=6,16$)		p5-6=0,9902 ($\chi^2=0,00$)		p5-6=0,0017 ($\chi^2=9,81$)		
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,0444 ($\chi^2=4,04$)		p1-4=0,3272 ($\chi^2=0,96$)		p1-4=0,2256 ($\chi^2=1,47$)		
p2-5 (χ^2)	p2-5<0,0001 ($\chi^2=16,63$)		p2-5=0,4647 ($\chi^2=0,53$)		p2-5=0,0653 ($\chi^2=3,40$)		
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,2104 ($\chi^2=1,57$)		p3-6=0,2129 ($\chi^2=1,55$)		p3-6=0,0183 ($\chi^2=5,57$)		

Прим.: жирным шрифтом выделены p-значения, достигающие уровня статистической значимости.

Значительный уровень тревожности характеризует 109 (13%) участников исследования, умеренный уровень обнаружен у 121 чел. (14,5%).

Анализ этнических особенностей показывает, что тревожность также больше присуща русским испытуемым, приживающим в Республике Тыва. Значительный уровень тревожности выявлен у 25,4% русских участников опроса и только у 12,1% — тувинских. Особенно заметны различия по этому показателю в группах с патологическим типом поведения в сети Интернет. 71,4% (ДИ=35,9–91,8%) русских пользователей с таким типом онлайн-поведения характеризуются значительно выраженной тревожностью, в то время как тувинцы с аналогичным типом пользования высоко тревожны только в 28,6% (ДИ=20,6–38,2%). Эти различия статистически достоверны ($p=0,0183$). Умеренный уровень тревожности чуть чаще демонстрируют тувинцы (14,7 и 11,9%).

Уровень тревожности заметно различается в зависимости от типа онлайн-поведения. Так значительный уровень тревоги чаще наблюдается у русских пользователей с ППИ в сравнении с группами АПИ и НПИ ($p=0,0006$ и $p=0,0434$). В тувинской части выборки по этому параметру достоверно различа-

ются все три пользовательских типа (таб. 2). Также, из таблицы видно, что тувинские опрошенные с АПИ чаще характеризуются низким уровнем тревожности по сравнению с русскими участниками с таким же типом онлайн-поведения (88,3% и 75%, $p=0,0444$). Такая тенденция просматривается и в группах пользователей с НПИ (66,6% и 58,3%, $p<0,0001$).

Таблица 3. Уровень депрессии у подростков и молодежи русского и тувинского этносов с различным онлайн-поведением

Table 3. Depression levels in adolescents and youth of Russian and Tuvan ethnic groups with different online behavior

Группы обследованных	Уровень депрессии						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. — русские с АПИ (n=36)	30	83,3 (68,1–92,1)	3	8,3 (2,9–21,8)	3	8,3 (2,9–21,8)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
2 гр. — русские с НПИ (n=26)	16	61,5 (42,5–77,6)	4	15,4 (6,2–33,5)	6	23,1 (11,0–42,1)	ав=0,0006 ас=0,0050 вс=0,4816
3 гр. — русские с ППИ (n=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. — тувинцы с АПИ (n=357)	322	90,2 (86,7–92,9)	26	7,3 (5,0–10,5)	9	2,5 (1,3–4,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0032
5 гр. — тувинцы с НПИ (n=422)	300	71,1 (66,6–75,2)	61	14,4 (11,4–18,1)	61	14,4 (11,4–18,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
6 гр. — тувинцы с ППИ (n=105)	38	36,2 (27,6–45,7)	32	30,5 (22,5–39,8)	35	33,3 (25,0–42,8)	ав=0,3798 ас=0,6638 вс=0,6569
Всего (n=954)	709	74,3 (71,5–77,0)	126	13,2 (11,2–15,5)	119	12,5 (10,5–14,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6319
p1-2 (χ^2)	p1-2=0,0530 ($\chi^2=3,75$)		p1-2=0,3867 ($\chi^2=0,75$)		p1-2=0,1039 ($\chi^2=2,64$)		
p1-3 (χ^2)	p1-3=0,0068 ($\chi^2=7,33$)		p1-3=0,3976 ($\chi^2=0,72$)		p1-3=0,0003 ($\chi^2=12,91$)		
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,2311 ($\chi^2=1,43$)		p2-3=0,2376 ($\chi^2=1,39$)		p2-3=0,0371 ($\chi^2=4,34$)		

p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=43,87$)	p4-5=0,0015 ($\chi^2=10,03$)	p4-5<0,0001 ($\chi^2=33,68$)	
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=137,55$)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=39,76$)	p4-6<0,0001 ($\chi^2=89,40$)	
p5-6 (χ^2)	p5-6<0,0001 ($\chi^2=44,52$)	p5-6=0,0001 ($\chi^2=14,85$)	p5-6<0,0001 ($\chi^2=20,11$)	
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,1992 ($\chi^2=1,65$)	p1-4=0,8183 ($\chi^2=0,05$)	p1-4=0,0534 ($\chi^2=3,73$)	
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,2998 ($\chi^2=1,08$)	p2-5=0,8961 ($\chi^2=0,02$)	p2-5=0,2315 ($\chi^2=1,43$)	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,9408 ($\chi^2=0,01$)	p3-6=0,0652 ($\chi^2=3,40$)	p3-6=0,0963 ($\chi^2=2,77$)	

Прим.: жирным шрифтом выделены p-значения, достигающие уровня статистической значимости.

Среди опрошенных подростков и молодых людей, проживающих в Туве, значительный уровень депрессии обнаружен у 12,5%, умеренный уровень – у 13,2%.

Депрессивность больше характерна для русских испытуемых. Значительный ее уровень выявлен у 20% из них, еще 10% имеют умеренный уровень выраженности по шкале депрессии. Среди опрошенных представителей тувинского этноса значительный уровень депрессии отличает 11,9% молодых пользователей сети и умеренный – 13,5%.

Особенно заметны различия по показателям депрессии в группах с патологическим типом пользования. В русской группе более половины таких подростков и молодых людей (62,5%) имеют значительный уровень выраженности этого признака, в то время как среди тувинских сверстников из группы ППИ значительный уровень депрессии встречается в два раза реже и составляет всего 33,3% от общей численности этой группы. Однако различия не достигают уровня статистической достоверности.

Если провести сравнения внутри этнических групп, то становится заметно, что в русской части выборки значительный уровень депрессии существенно преобладает в группе ППИ по сравнению с группой АПИ ($p=0,0003$) и группой НПИ ($p=0,0371$). Среди тувинских участников исследования обнаружены статистически достоверные различия в частоте встречаемости значительного уровня депрессии между всеми группами, выделенными с учетом типа онлайн-поведения (таб. 3). Справедливо и обратное утверждение: низкий уровень депрессии чаще всего выявляется у испытуемых с адаптивным типом поведения. Они составляют 83,3% в русской группе АПН и 90,2% в тувинской.

Обсуждение результатов

Полученные при исследовании подростков и молодых людей, проживающих в Республике Тыва, данные свидетельствуют о том, что 44,6% из них характеризуются неадаптивным использованием Интернет, а у 10,8% выявлен патологический тип пользования. Если сравнить эти показатели с результатами исследований, полученных зарубежными авторами, то можно заметить, что число подростков и молодых людей с ППИ в нашей выборке выше, чем в некоторых европейских странах (4,4-8,7%) (Kaess et al., 2014), сопоставима с показателями Китая (9,6%), Южной Кореи (9,7%) и ниже, чем в Гонконге (16,4%) и на Филиппинах (21,1%) (Mak et al., 2014).

Данные, полученные при обследовании российских школьников в возрасте от 15 до 18 лет, совпадают с нашими и соответствуют 10,4% (Трусова и др., 2020b). Есть также результаты, характеризующие онлайн-поведение подростков соседних с Тувой регионах. Среди почти трех тысяч школьников 12–18 лет из г. Красноярска пользователей с патологическим типом обнаружено лишь 6,8%, в то время как адаптивное пользование встречалось чаще (50,3%) (Семенова и др., 2020).

В нашей выборке было две этнические группы — тувинцы и русские. Поэтому одной из задач исследования было прослеживание этнических различий. По полученным данным среди представителей тувинского этноса у 45,5% обнаружен неадаптивный и у 10,8% патологический тип онлайн-поведения. У молодых русских, живущих в Туве, неадаптивный тип пользования выявлен в 32,9%, и патологический тип встретился в 10,5% случаев. Как видно, различия касаются неадаптивного типа, который чаще наблюдался у тувинцев (45,5% и 32,9%). Т. е. у тувинских участников исследования в целом чаще встречается дезадаптивное онлайн-поведение (56,3%) по сравнению с русскими (43,4%).

Ранее этнические особенности также были описаны Л. С. Эверт и соавторами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) для Хакасии, Якутии и Тувы. В частности, была обнаружена большая распространенность дезадаптивных видов онлайн-поведения у тувинских подростков в сравнении с русскими. ППИ обнаружено у 15,4% тувинцев и 10,4% русских. В Республике Якутия эта тенденция выражена еще более отчетливо, соотношение якутов и русских с ППИ соответствует 24,3% и 6,1%. Интересно, что в Хакасии различий в частоте встречаемости патологического пользования сетью между русскими и хакасскими подростками практически нет (8,2% и 8,4%). Из трех указанных регионов в Хакасии в процентном отношении проживает наименьшее количество представителей титульной нации. Так только 10,3%¹ жителей Хакасии являются хакасами, в то время как в Якутии якутов 47,1%, а в Туве процент тувинского населения соответствует 83,1%². Кроме того, 90% жителей Хакасии считают русский язык родным, т. е. хакасы в значительной степени ассимилированы в русскую культуру, возможно поэтому и различий в интернет-поведении между русскими и хакасскими подростками нет, в отличие от Якутии и Тувы.

Основной нашей задачей было проанализировать выраженность тревожности, депрессивности и склонности к соматизации у подростков и молодых людей, живущих в Туве с учетом специфики поведения в сети.

В целом выявлено, что проявления всех этих характеристик нарастает по мере патологизации онлайн-поведения. Значительный и умеренный уровень соматизации обнаружен у 40,5% участников исследования. Склонность к соматизации минимальна у обследованных с адаптивным поведением в сети, она в значительной степени выражена только у 12% и в умеренной у 10,7% входящих в эту группу подростков и молодых людей, в то время как среди пользователей группы НПИ умеренный и значительный уровни соматизации характерны уже для 32,7%, а в группе пользователей с типом ППИ для 52,2%.

Последствия интернет-зависимости являются кумулятивными, и способствуют возникновению физических, психических, социальных проблем и проблем со здоровьем. Соматические симптомы служат культурными идиомами дистресса во многих этнокультурных группах (Kirmayer, 2001). При соматическом дистрессе проявляются межнациональные различия. Для русской части выборки значительно выраженная соматизация оказалась в целом более характерна. Она встречается у 28,9% испытуемых против 24,4% тувинских. Кажется, склонность к соматизации больше проявляется у русских подростков и молодых людей, вошедших в выборку, даже если их онлайн-поведение адаптивно. У таких русских пользователей значительно выраженный уровень соматизации встречается в два раза чаще, чем среди тувинцев с таким же типом поведения в сети.

В других исследованиях с использованием тех же диагностических инструментов у более 52% подростков, включенных в социальные сети, также были выявлены разнообразные соматические симптомы. Чуть менее 60% подростков отмечали наличие у себя тревожных проявлений в диапазоне от легкой до тяжелой степени. Как считают А. А. Лифинцева и Р. Р. Животягин, это может свидетельствовать о формирующейся у подростков тревожности личностного свойства, или о наличии у них ситуативной тревоги, обусловленной определёнными обстоятельствами, чаще всего связанными с межличностным общением (Лифинцева, Животягин, 2012).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения по муниципальным образованиям Хакасии [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 01.04.2024).

² Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 01.04.2024).

Значительный уровень тревожности характеризует 13% участников нашего исследования, умеренный уровень обнаружен у 14,5%. Тревожность также коррелирует с типом онлайн-поведения. Подростки и молодые люди с типом НПИ в 18,1% имеют умеренный, а в 16,1% значительный уровень тревоги. ППИ сопровождается умеренной тревогой у 17,1% и значительно выраженной у 31,4% опрошенных.

Тревожность, как и склонность к соматизации, также больше присуща русским испытуемым, проживающим в Республике Тыва. Значительный уровень тревожности выявлен у 25,4% русских участников опроса и только у 12,1% тувинских. Здесь связь с типом онлайн поведения еще более явная: 71,4% русских пользователей с патологическим типом поведения в сети характеризуются значительно выраженной тревожностью, в то время как тувинцы с аналогичным типом пользования высоко тревожны только в 28,6%. Вероятно, активное использование Интернета с одной стороны есть следствие устойчивой и выраженной тревожности у таких подростков, с другой стороны, регулярное пребывание в сети не способствует решению реальных проблем, что может усугублять тревожность.

Анализ выраженности депрессии у членов выборки выявил ее значительный уровень у 12,5% и умеренный — у 13,2%. Эта характеристика также связана с онлайн-поведением. У 14,5% подростков с неадаптивным поведением в сети наблюдается умеренный, и у 15% — значительно выраженный уровень депрессии. При патологическом типе пользования эти значения возрастают до 28,3% умеренной и 35,4% — значительной депрессии. Для сравнения в группе АПИ умеренная депрессия присуща только 7,3%, а значительная лишь — 3,1%

Депрессивность также больше характерна для русских испытуемых. Значительный ее уровень выявлен у 20% из них, еще 10% имеют умеренный уровень выраженности. Среди опрошенных представителей тувинского этноса значительный уровень депрессии обнаружен у 11,9% и умеренный — у 13,5%. Особенно заметны различия в группах с патологическим использованием сетью. 62,5% русских и 33,3% тувинцев их группы ППИ имеют значительно выраженную депрессию.

Таким образом мы видим, что русские молодые пользователи Интернет, проживающие в Республике Тыва, отличаются от тувинских сверстников с аналогичным онлайн-поведением более выраженной соматизацией, тревогой и депрессией.

Для понимания причин выявленных особенностей можно обратить внимание на несколько факторов. Во-первых, социально-экономические условия являются важными факторами риска (Missinne, Bracke, 2012), при этом Республика Тыва относится к регионам России с самым низким уровнем денежных доходов населения. Следовательно социально-экономическая ситуация здесь имеет стрессогенный характер (Пермякова и др., 2022). Однако это условие является общим для всех этнических групп, проживающих на данной территории, и может объяснять выявленную склонность к соматизации, тревогу и депрессию как у русских, так и у тувинских участников исследования.

Во-вторых, тувинское население республики на этой территории является коренным, поэтому, несмотря на суровые природно-экологические условия, имеет более высокий уровень адаптации. Л. К. Будук-оол изучала особенности адаптации к обучению русских и тувинских студентов, проживающих в Туве (Будук-оол, 2013). По ее данным, тувинцы характеризовались высоким уровнем физического состояния, свидетельствующим о более совершенных физиологических механизмах адаптации по сравнению с русскими. Также тувинцы отличались от русских иными адаптивными стратегиями, у них процесс адаптации определялся меньшим числом внутри- и межуровневых связей, т. е. был более экономичным. Русские же демонстрировали стабильно неэкономичный тип приспособительных реакций, сопровождающийся снижением физиологических резервов организма.

В третьих, в составе населения Республики Тыва преобладают тувинцы, русские образуют этническое меньшинство. В республике двухкомпонентная двуязычная языковая модель (Михальченко, 2015), при этом представители титульного этноса, составляя абсолютное большинство, предпочитают общаться на родном языке. По данным М. С. Туракаева, русские в этом регионе достаточно часто сталкиваются с неуважительным отношением к себе и своему национальному языку, что не может не сказываться на их социальном самочувствии (Туракаев, 2022).

Аналогичные данные получены при сопоставлении соматизации, тревожности и депрессивности в исследованиях других этнических групп, оказывающихся в меньшинстве среди коренного населения (Hoge et al., 2006; Rask et al., 2016; Dreher et al., 2017; Nissen et al., 2021; Bohland et al., 2024).

Представляет интерес дальнейшее исследование личностных особенностей интернет-пользователей с учетом их этнической принадлежности, а также возраста и пола.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что распространённость патологического пользования Интернетом в Республике Тыва в целом сопоставима с аналогичными показателями, полученными в исследованиях на других территориях.

Подтверждена связь онлайн-поведения с уровнем соматизации, тревоги и депрессии. Эти характеристики нарастают по мере патологизации онлайн поведения. Возможно, имеющиеся у подростков и молодых людей психологические проблемы и трудности социальной адаптации компенсируются смещением активности в сеть Интернет, что в свою очередь способствует нарастанию тревоги, депрессии и склонности к соматизации.

Обнаруженные этнические различия сводятся к большей выраженности соматизации, тревоги и депрессии у русских подростков и молодых людей, проживающих в Республике Тыва в сравнении с тувинскими сверстниками с аналогичными типами поведения в сети. Особенно явно различия заметны в группе пользователей с патологическим поведением в Интернете. Этнические различия в данном случае в первую очередь можно объяснить тем, что русские в Тыве составляют явное этническое меньшинство, что снижает уровень психологического комфорта и ухудшает социальное самочувствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомолова М. А., Бузина Т. С. (2018) Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2018_2_49/nomer02.php (дата обращения: 01.04.2024).

Будук-оол, Л. К. (2013) Особенности адаптации к обучению студентов Республики Тува // Экология человека. № 5. С. 54–60.

Войсункинский А. Е. (2015) Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в интернете [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 4. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php (дата обращения: 01.04.2024).

Дугарова, Т. Ц. (2015) Особенности стрессоустойчивости бурятских и тувинских подростков // Вестник Тувинского государственного университета. № 1 Социальные и гуманитарные науки. № 1. С. 133–136.

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Муева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В. (2001) Психосоциальная аддиктология. Новосибирск : Олсиб. 251 с.

Короленко, Ц. П., Лоскутова, В. А. (2004) Интернет-зависимость в русскоязычном секторе интернета // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. № 3 (113). С. 45–51.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Лановая, А. М., Фадеева, Е. В. (2021) Распространённость проблемного использования электронных средств связи среди подростков и молодежи в Российской Федерации // Вопросы психического здоровья детей и подростков. Т. 21. № 2. С. 96–104.

Лифинцева, А. А., Животягин, Р. Р. (2012) Связь характеристик социальных сетей подростков с уровнем их психосоматического здоровья [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. Т. 1. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2012_n2/52619 (дата обращения: 01.04.2024).

Макарова, Е. А. (2023) Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети интернет // Вестник Таганрогского института управления и экономики. № 1. С. 49–55.

Мальгин, В. Л. Меркурьева, Ю. А., Искандирова, А. Б., Пахтусова, Е. Е., Прокофьева, А. В. (2015) Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. № 4 (33). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php (дата обращения: 01.04.2024).

Михальченко, В. Ю. (2015) Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров / отв. ред. Н. Н. Трошина. М. : б. и. 179 с. С. 14–31.

Пермякова, Е. Ю., Бацевич, В. А., Красильникова, В. А., Зимица, С. Н., Хафизова, А. А., Юдина, А. М., Ясина, О. В., Клинюшин, А. А., Синева, И. М. (2022) Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 237–252. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эврт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет зависимости у подростков Центральной Сибири // Здоровоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Солдатова, Г. У., Илюхина, С. Н. (2021) Аутодеструктивный онлайн-контент: особенности оценки и реагирования подростков и молодежи // Консультативная психология и психотерапия. Т. 29. № 1. С. 66–91.

Солодников, В. В., Зайцева, А. С. (2021) Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 1. С. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

Трусова, А. В., Гречаный, С. В., Поздняк, В. В., Ильичев, А. Б., Хуторянская, Ю. В., Егоров, А. Ю., Кибитов, А. О. (2019) Психологические факторы риска интернет-зависимости: данные пилотного исследования здоровых молодых взрослых // Социальная и клиническая психиатрия. Т. 29. № 3. С. 23–29.

Трусова, А. В., Гречаный, С. В., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Чупрова, Н. А., Николишин, А. Е., Поздновский, П. А., Кибитов, А. А., Вантей, В. Б. и др. (2020a) Предикторы развития интернет-аддикции: анализ психологических факторов // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. № 1. С. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-1-72-82>

Трусова, А. В., Канашов, А. Е., Ангеловский, А. А., Варакосова, Е. Л., Жидкова, Т. С., Сафонова, А. В., Лукманова, З. Г., Бердецких, Е. И., Абрамец, М. А., Пескишева, Л. Ю. (2020b) Гендерные различия индивидуально-психологических характеристик у подростков с различным уровнем проявлений интернет-зависимого поведения // Вопросы наркологии. № 4. С. 45–62.

Туракаев, М. С. (2022) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Шакун, Е. Ю., Лановая, А. М., Фадеева, Е. В. (2022) Зависимость и проблемное использование интернета среди девушек и женщин: распространенность, основные проявления, диагностические инструменты (обзор российских исследований) // Консультативная психология и психотерапия. Т. 30. № 2. С. 45–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300204>

Эврт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Эврт, Л. С., Серен-оол С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Bohland, H. K., Kimbel, R., Kegel, P., Dietz, P., Koestner, C., Letzel, S., Kurmeyer, C., Jesuthasan, J., Schouler-Ocak, M., Zier, U. (2024) Depression and anxiety in female refugees from East Africa and the Middle East displaced to Germany: cross-sectional results of the female refugee study, taking sociodemographic and migration-related factors into account // *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 14. Article 1303009. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1303009>

Carli, V., Durkee, T., Wasserman, D., Hadlaczky, G., Despalins, R., Kramarz, E., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Brunner, R., Kaess, M. (2013) The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review // *Psychopathology*. Vol. 46. Issue 1. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1159/000337971>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // *Chinese Journal of Psychology*. Vol. 45. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

de Wit, M. A., Tuinebreijer, W. C., Dekker, J., Beekman, A. J., Gorissen, W. H., Schrier, A. C., Penninx, B. W., Komproe, I. H., Verhoeff, A. P. (2008) Depressive and anxiety disorders in different ethnic groups: a population based study among native Dutch, and Turkish, Moroccan and Surinamese migrants in Amsterdam // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 43. P. 905–912. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-008-0382-5>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S., Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. № 7. Article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Dreher, A., Hahn, E., Diefenbacher, A., Nguyen, M. H., Böge, K., Burian, H., Dettling, M., Burian, R., Ta, T. M. T. (2017) Cultural differences in symptom representation for depression and somatization measured by the PHQ between Vietnamese and German psychiatric outpatients // *Journal of Psychosomatic Research*. Vol. 102. P. 71–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2017.09.010>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J. P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors // *Addiction*. Vol. 107. Issue 12. P. 2210–2222. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Fam, J. Y. (2018) Prevalence of internet gaming disorder in adolescents: A meta-analysis across three decades // *Scandinavian Journal of Psychology*. Vol. 59. Issue 5. P. 524–531. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12459>

Fanny, M. (1982) Cheung Psychological symptoms among Chinese in urban Hong Kong // *Social Science & Medicine*. Vol. 16. Issue 14. P. 1339–1344. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(82\)90029-6](https://doi.org/10.1016/0277-9536(82)90029-6)

Fatemeh, F., Sadeghian, E., Shamsaei, F., Tapak, L. (2020) The relationship between internet addiction and psychosomatic disorders in Iranian undergraduate nursing students: a cross-sectional study // *Journal of Addictive Diseases*. Vol. 38. Issue 2. P. 164–169. DOI: <https://doi.org/10.1080/10550887.2020.1732180>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S., Bourgeois, J. A. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016 // *Addictive Behaviors*. Vol. 75. P. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Hoge, E. A., Tamrakar, S. M., Christian, K. M., Mahara, N., Nepal, M. K., Pollack, M. H., Simon, N. M. (2006) Cross-cultural differences in somatic presentation in patients with generalized anxiety disorder // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 194 (12). P. 962–966. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000243813.59385.75>

Hsu, L. K., Folstein, M. F. (1997) Somatoform disorders in Caucasian and Chinese Americans // *The Journal of Nervous & Mental Disease*. Vol. 185(6). P. 382–387. DOI: <https://doi.org/10.1097/00005053-199706000-00004>

Jeong, B., Lee, J. Y., Kim, B. M., Park, E., Kwon, J. G., Kim, D. J., Lee, Y., Choi, J. S., Lee, D. (2020) Associations of personality and clinical characteristics with excessive Internet and smartphone use in adolescents: A structural equation modeling approach // *Addictive Behaviors*. Vol. 110. P. 106485. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106485>

Jeong, H., Lee, H. K., Kwon, Y. S., Yim, H. W., Lee, S. Y. (2020) Gaming disorder and bidirectional relationships with aggression and impulsivity // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 31. P. 69–75.

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žiberna, J., Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours // *European Child Adolescent Psychiatry*. Vol. 23. № 11. P. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F., Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder // *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 77. P. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

King, D. L., Delfabbro, P. H., Zwaans, T., et al. (2013) Clinical features and axis I comorbidity of Australian adolescent pathological Internet and video game users // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 47. P. 1058–1067. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867413491>

Kirmayer, L. J. (2001) Cultural variations in the clinical presentation of depression and anxiety: implications for diagnosis and treatment // *Journal of Clinical Psychiatry*. Vol. 62. Suppl 13. P. 22–28; discussion 29–30.

Ko, C. H., Yen, J. Y., Chen, C. S., Chen, C. C., Yen, C. F. (2008) Psychiatric comorbidity of internet addiction in college students: an interview study // *CNS Spectrums*. Vol. 13. Issue 2. P. 147–153. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1092852900016308>

Ko, C. H., Yen, J. Y., Yen, C. F., Chen, C. S., Chen, C. C. (2012) The association between Internet addiction and psychiatric disorder: a review of the literature // *European Psychiatry*. Vol. 27. Issue 1. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2010.04.011>

Kuss, D. J., Griffiths, M. D. (2015) Internet Addiction: A Real Addiction? // *Internet Addiction in Psychotherapy. Palgrave Studies in Cyberpsychology. Series Ed. J. Binder. London : Palgrave Pivot. P. 54–104. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137465078_4*

Kuss, D. J., van Rooij, A. J., Shorter, G. W., Griffiths, M. D., van de Mheen, D. (2013) Internet addiction in adolescents: Prevalence and risk factors // *Computers in Human Behavior. Vol. 29. Issue 5. P. 1987–1996. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.04.002>*

Kuss, D. J., Shorter, G. W., van Rooij, A. J., van de Mheen, D., Griffiths, M. D. (2014) The Internet addiction components model and personality: Establishing construct validity via a nomological network // *Computers in Human Behavior. Vol. 39. P. 312–321. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.07.031>*

Mak, K. K., Lai, C. M., Watanabe, H., Kim, D. I., Bahar, N., Ramos, M., Young, K. S., Ho, R. C., Aum, N. R., Cheng, C. (2014) Epidemiology of internet behaviors and addiction among adolescents in six Asian countries // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. Vol. 17. Issue 11. P. 720–728. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0139>*

Missinne, S, Bracke, P. (2012) Depressive symptoms among immigrants and ethnic minorities: a population based study in 23 European countries // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. Vol. 47. Issue 1. P. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-010-0321-0>*

Munno, D., Cappellin, F., Saroldi, M., Bechon, E., Guglielmucci, F., Passera, R., Zullo, G. (2017) Internet Addiction Disorder: Personality characteristics and risk of pathological overuse in adolescents // *Psychiatry Research. Vol. 248. P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2016.11.008>*

Müller, K. W., Janikian, M., Dreier, M., Wölfling, K., Beutel, M. E., Tzavara, C., Richardson, C., Tsitsika, A. (2015) Regular gaming behavior and internet gaming disorder in European adolescents: Results from a cross-national representative survey of prevalence, predictors, and psychopathological correlates // *European Child & Adolescent Psychiatry. Vol. 24. P. 565–574. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-014-0611-2>*

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E., Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in Adolescence: A Combined Approach to Investigate Psychopathology and Development-Specific Personality Traits Associated With Internet Addiction // *Journal of Clinical Psychiatry. Vol. 78. Issue 3. P. e244–e251. DOI: <https://doi.org/10.4088/JCP.15m10447>*

Nissen, A., Cauley, P., Saboonchi, F., Andersen, A., Solberg, Ø. (2021) Mental health in adult refugees from Syria resettled in Norway between 2015 and 2017: a nationwide, questionnaire-based, cross-sectional prevalence study // *European Journal of Psychotraumatology. Vol. 12. Issue 1. Article 1994218. DOI: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1994218>*

Özaslan, A., Yildirim, M., Güney, E., Güzel, H., Işeri, E. (2022) Association Between Problematic Internet Use, Quality of Parent-Adolescents Relationship, Conflicts, and Mental Health Problem // *International Journal of Mental Health and Addiction. Vol. 20. P. 2503–2519. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00529-8>*

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Elhai, J. D., Montag, C. (2019) Personality Associations With Smartphone and Internet Use Disorder: A Comparison Study Including Links to Impulsivity and Social Anxiety // *Frontiers in Public Health. Vol. 7. Article 127. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2019.00127>*

Rachubińska, K., Cybulska, A., Szkup, M., Grochans, E. (2021) Analysis of the relationship between personality traits and Internet addiction // *European Review for Medical and Pharmacological Sciences. Vol. 25. № 6. P. 2591–2599. DOI: https://doi.org/10.26355/eurrev_202103_25422*

Rask, S., Suvisaari, J., Koskinen, S., Koponen, P., Mölsä, M., Lehtisalo, R., Schubert, C., Pakaslahti, A., Castaneda, A. E. (2016) The ethnic gap in mental health: A population-based study of Russian, Somali and Kurdish origin migrants in Finland // *Scandinavian Journal of Public Health. Vol. 44. Issue 3. P. 281–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/1403494815619256>*

Rumpf, H. J., Achab, S., Billieux, J., Bowden-Jones, H., Carragher, N., Demetrovics, Z., Higuchi, S., King, D. L., Mann, K., Potenza, M., Saunders, J. B., et al. (2018) Including gaming disorder in the ICD-11: The need to do so from a clinical and public health perspective // *Journal of Behavioral Addictions. Vol. 7. Issue 3. P. 556–561. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.59>*

Schimmenti, A., Passanisi, A., Caretti, V., La Marca, L., Granieri, A., Iacolino, C., Gervasi, A. M., Maganuco, N. R., Billieux, J. (2017) Traumatic experiences, alexithymia, and Internet addiction symptoms among late adolescents: A moderated mediation analysis // *Addictive Behaviors. Vol. 64. P. 314–320. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2015.11.002>*

Shapira, N. A., Goldsmith, T. D., Keck, P. E. Jr, Khosla, U. M., McElroy, S. L. (2000) Psychiatric features of individuals with problematic internet use // *Journal of Affective Disorders. Vol. 57. Issue 1–3. P. 267–272. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0165-0327\(99\)00107-X](https://doi.org/10.1016/S0165-0327(99)00107-X)*

Stevens, M. W., Dorstyn, D., Delfabbro, P. H., King, D. L. (2021) Global prevalence of gaming disorder: A systematic review and meta-analysis // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 55. Issue 6. P. 553–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867420962851>

Stiglic, N., Viner, R. M. (2019) Effects of screentime on the health and well-being of children and adolescents: a systematic review of reviews // *BMJ Open*. Vol. 9. Issue 1. Article e023191. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023191>

Tao, R., Huang, X., Wang, J., Zhang, H., Zhang, Y., Li, M. (2010) Proposed diagnostic criteria for internet addiction // *Addiction*. Vol. 105. Issue 3. P. 556–564. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02828.x>

Yen, J. Y., Ko, C. H., Yen, C. F., Chen, S. H., Chung, W. L., Chen, C. C. (2008) Psychiatric symptoms in adolescents with internet addiction: comparison with substance use // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. Vol. 62. Issue 1. P. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1819.2007.01770.x>

Young, K. S. (2013) Treatment outcomes using CBT-IA with Internet-addicted patients // *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 2. № 4. P. 209–215. DOI: <https://doi.org/10.1556/jba.2.2013.4.3>

Zhou, X., Dere, J., Zhu, X., Yao, S., Chentsova-Dutton, Y. E., Ryder, A. G. (2011) Anxiety symptom presentations in Han Chinese and Euro-Canadian outpatients: is distress always somatized in China? // *Journal of Affective Disorders*. Vol. 135. Issue 1–3. P. 111–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2011.06.049>

Дата поступления: 19.04.2024 г.

Дата принятия: 07.05.2024 г.

REFERENCES

Bogomolova M. A. and Buzina T. S. (2018) Internet addiction: forming aspects and psychological correction opportunities. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, no. 2 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2018_2_49/nomer02.php (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Buduk-ool, L. K. (2013) Features of adaptation to the education of students of the Republic of Tuva. *Ekologiya cheloveka*, no. 5, pp. 54–60. (In Russ.).

Voiskunskii A. E. (2015) Theories of addiction and presence related to behavior on the Internet. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, no. 4 [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Dugarova, T. Ts. (2015) Features of stress resistance of Buryat and Tuvan teenagers. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 133–136. (In Russ.).

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Research on the network identity of the student youth of Russian regions (the cases of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Korolenko, Ts. P. and Dmitrieva, N. V. (2001) *Psychosocial addictology*. Novosibirsk, Olsib. 251 p. (In Russ.).

Korolenko, Ts. P. and Loskutova, V. A. (2004) Internet addiction in the Russian-speaking Internet sector. *Biulleten' Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk*, no. 3 (113), pp. 45–51. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social Culture of Tuvans and Online Space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lanovaia, A. M. and Fadeeva, E. V. (2021) Prevalence of electronic communication devices problematic use among adolescents and young adults in the Russian Federation. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov*, vol. 21, no. 2, pp. 96–104. (In Russ.).

Lifintseva, A. A. and Zhivotiagin, R. R. (2012) The relation between characteristics of social networks of adolescents and the level of their psychosomatic health. *Clinical Psychology and Special Education*, vol. 1, no. 2 [online] Available at: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2012_n2/52619 (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Makarova, E. A. (2023) Self-harming behavior of children and adolescents on the Internet. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniia i ekonomiki*, no. 1, pp. 49–55. (In Russ.).

Malygin, V. L. Merkur'eva, Iu. A., Iskandirova, A. B., Pakhtusova, E. E. and Prokof'eva, A. V. (2015) Specific features of value orientations in adolescents with Internet addictive behaviour. *Meditsinskaia psikhologiya v Rossii*, no. 4 (33) [online] Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer02.php (access date: 01.04.2024). (In Russ.).

Mikhal'chenko, V. Iu. (2015) The language situation and language policy in modern Russia. In: *The linguistic situation in Europe at the beginning of the XXI century* : collection of reviews / ed. by N. N. Troshin. Moscow, s. n. 179 p. Pp. 14–31.

Permiakova, E. Iu., Batsevich, V. A., Krasil'nikova, V. A., Zimina, S. N., Khafizova, A. A., Iudina, A. M., Iasina, O. V., Kliniushin, A. A. and Sineva, I. M. (2022) A comparison of morphofunctional adaptation of student youth in Kyzyl and Moscow (under different ethical and environmental conditions). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 237–252. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Iu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.).

Soldatova, G. U. and Iliukhina, S. N. (2021) Self-destructive online content: features of attitude and response of adolescents and youth. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, vol. 29, no. 1, pp. 66–91. (In Russ.).

Solodnikov, V. V. and Zaitseva, A. S. (2021) Usage of Social Networks and Socialization of Russian Teenagers. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, vol. 9, no. 1, pp. 23–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

Trusova, A. V., Grechanyi, C. V., Pozdniak, V. V., Il'ichev, A. B., Khutorianskaia, Iu. V., Egorov, A. Iu. and Kibitov, A. O. (2019) Psychological risk factors for internet addiction: findings of a pilot investigation in healthy young adults. *Sotsial'naia i klinicheskaja psikhiatriia*, vol. 29, no. 3, pp. 23–29. (In Russ.).

Trusova, A. V., Grechanyi, S. V., Soldatkin, V. A., Iakovlev, A. N., Iliuk, R. D., Chuprova, N. A., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Kibitov, A. A., Vantei, V. B. Et al. (2020a) Internet addiction predictors: analysis of psychological factors. *V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, no. 1, pp. 72–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-1-72-82>

Trusova, A. V., Kanashov, A. E., Angelovskii, A. A., Varakosova, E. L., Zhidkova, T. S., Safonova, A. V., Lukmanova, Z. G., Berdetskikh, E. I., Abramets, M. A. and Peskisheva, L. Iu. (2020b) Gender differences in individual psychological characteristics of adolescents with different levels of internet addiction symptoms. *Voprosy narkologii*, no. 4, pp. 45–62. (In Russ.).

Turakaev, M. S. (2022) Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: the cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Shakun, E. Iu., Lanovaia, A. M. and Fadeeva, E. V. (2022) Addiction and Problematic Internet Use among Girls and Young Women: Prevalence, Main Features and Measures (A Review of Russian Studies). *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 30, no. 2, pp. 45–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300204>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Iu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction in adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and structure of consumed content. *Bulletin of Siberian Medicine*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Evert, L. S., Seren-ool S. S. and Sat, D. A. (2023) Teenagers of Kyzyl (Republic of Tuva) in the online space]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Bohland, H. K., Kimbel, R., Kegel, P., Dietz, P., Koestner, C., Letzel, S., Kurmeyer, C., Jesuthasan, J., Schouler-Ocak, M. and Zier, U. (2024) Depression and anxiety in female refugees from East Africa and the Middle East displaced to Germany: cross-sectional results of the female refugee study, taking sociodemographic and migration-related factors into account. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1303009. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1303009>

Carli, V., Durkee, T., Wasserman, D., Hadlaczky, G., Despalins, R., Kramarz, E., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C. W., Brunner, R. and Kaess, M. (2013) The association between pathological internet use and comorbid psychopathology: a systematic review. *Psychopathology*, vol. 46, issue 1, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1159/000337971>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1037/t44491-000>

de Wit, M. A., Tuinebreijer, W. C., Dekker, J., Beekman, A. J., Gorissen, W. H., Schrier, A. C., Penninx, B. W., Komproe, I.H. and Verhoeff, A. P. (2008) Depressive and anxiety disorders in different ethnic groups: a population based study among native Dutch, and Turkish, Moroccan and Surinamese migrants in Amsterdam. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 43, pp. 905–912. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-008-0382-5>

Doh, Y. Y., Kim, B., Lee, S. and Gweon, G. (2020) The Cyclic Value-Context Reinforcement Model of Problematic Internet Use: Empirical Validation Using a Thematic Analysis of Children's Counseling Data. *Journal of Medical Internet Research*, vol. 22, no. 7, article e17996. DOI: <https://doi.org/10.2196/17996>

Dreher, A., Hahn, E., Diefenbacher, A., Nguyen, M. H., Böge, K., Burian, H., Dettling, M., Burian, R. and Ta, T. M. T. (2017) Cultural differences in symptom representation for depression and somatization measured by the PHQ between Vietnamese and German psychiatric outpatients. *Journal of Psychosomatic Research*, vol. 102, pp. 71–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2017.09.010>

Durkee, T., Kaess, M., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Floderus, B., Apter, A., Balazs, J., Barzilay, S., Bobes, J., Brunner, R., Corcoran, P., Cosman, D., Cotter, P., Despalins, R., Graber, N., Guillemin, F., Haring, C., Kahn, J. P., Mandelli, L., Marusic, D., Mészáros, G., Musa, G. J., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Varnik, A., Sarchiapone, M., Hoven, C. W. and Wasserman, D. (2012) Prevalence of pathological internet use among adolescents in Europe: demographic and social factors. *Addiction*, vol. 107, issue 12, pp. 2210–2222. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2012.03946.x>

Fam, J. Y. (2018) Prevalence of internet gaming disorder in adolescents: A meta-analysis across three decades. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 59, issue 5, pp. 524–531. DOI: <https://doi.org/10.1111/sjop.12459>

Fanny, M. (1982) Cheung Psychological symptoms among Chinese in urban Hong Kong. *Social Science & Medicine*, vol. 16, issue 14, pp. 1339–1344. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(82\)90029-6](https://doi.org/10.1016/0277-9536(82)90029-6)

Fatemeh, F., Sadeghian, E., Shamsaei, F. and Tapak, L. (2020) The relationship between internet addiction and psychosomatic disorders in Iranian undergraduate nursing students: a cross-sectional study. *Journal of Addictive Diseases*, vol. 38, issue 2, pp. 164–169. DOI: <https://doi.org/10.1080/10550887.2020.1732180>

Feng, W., Ramo, D., Chan, S. and Bourgeois, J. A. (2017) Internet gaming disorder: Trends in prevalence 1998–2016. *Addictive Behaviors*, vol. 75, pp. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.06.010>

Hoge, E. A., Tamrakar, S. M., Christian, K. M., Mahara, N., Nepal, M. K., Pollack, M. H. and Simon, N. M. (2006) Cross-cultural differences in somatic presentation in patients with generalized anxiety disorder. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, vol. 194 (12), pp. 962–966. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000243813.59385.75>

Hsu, L. K. and Folstein, M. F. (1997) Somatoform disorders in Caucasian and Chinese Americans. *The Journal of Nervous & Mental Disease*, vol. 185(6), pp. 382–387. DOI: <https://doi.org/10.1097/00005053-199706000-00004>

Jeong, B., Lee, J. Y., Kim, B. M., Park, E., Kwon, J. G., Kim, D. J., Lee, Y., Choi, J. S. and Lee, D. (2020) Associations of personality and clinical characteristics with excessive Internet and smartphone use in adolescents: A structural equation modeling approach. *Addictive Behaviors*, vol. 110, article 106485. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106485>

Jeong, H., Lee, H. K., Kwon, Y. S., Yim, H. W. and Lee, S. Y. (2020) Gaming disorder and bidirectional relationships with aggression and impulsivity. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, vol. 31, pp. 69–75.

Kaess, M., Durkee, T., Brunner, R., Carli, V., Parzer, P., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Hoven, C., Apter, A., Balazs, J., Balint, M., Bobes, J., Cohen, R., Cosman, D., Cotter, P., Fischer, G., Floderus, B., Iosue, M., Haring, C., Kahn, J. P., Musa, G. J., Nemes, B., Postuvan, V., Resch, F., Saiz, P. A., Sisask, M., Snir, A., Varnik, A., Žibera, J. and Wasserman, D. (2014) Pathological Internet use among European adolescents: psychopathology and self-destructive behaviours. *European Child Adolescent Psychiatry*, vol. 23, no. 11, pp. 1093–1102. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00787-014-0562-7>

Kaess, M., Parzer, P., Mehl, L., Weil, L., Strittmatter, E., Resch, F. and Koenig, J. (2017) Stress vulnerability in male youth with Internet Gaming Disorder. *Psychoneuroendocrinology*, vol. 77, pp. 244–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.01.008>

King, D. L., Delfabbro, P. H., Zwaans, T., et al. (2013) Clinical features and axis I comorbidity of Australian adolescent pathological Internet and video game users. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, vol. 47, pp. 1058–1067. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867413491>

Kirmayer, L. J. (2001) Cultural variations in the clinical presentation of depression and anxiety: implications for diagnosis and treatment. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 62, issue 13, pp. 22–28; discussion 29–30.

Ko, C. H., Yen, J. Y., Chen, C. S., Chen, C. C. and Yen, C. F. (2008) Psychiatric comorbidity of internet addiction in college students: an interview study. *CNS Spectrums*, vol. 13, issue 2, pp. 147–153. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1092852900016308>

Ko, C. H., Yen, J. Y., Yen, C. F., Chen, C. S. and Chen, C. C. (2012) The association between Internet addiction and psychiatric disorder: a review of the literature. *European Psychiatry*, vol. 27, issue 1, pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2010.04.011>

Kuss, D. J. and Griffiths, M. D. (2015) Internet Addiction: A Real Addiction? In: *Internet Addiction in Psychotherapy*. Palgrave Studies in Cyberpsychology. Series Ed. J. Binder. London, Palgrave Pivot. P. 54–104. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137465078_4

Kuss, D. J., van Rooij, A. J., Shorter, G. W., Griffiths, M. D. and van de Mheen, D. (2013) Internet addiction in adolescents: Prevalence and risk factors. *Computers in Human Behavior*, vol. 29, issue 5, pp. 1987–1996. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.04.002>

Kuss, D. J., Shorter, G. W., van Rooij, A. J., van de Mheen, D. and Griffiths, M. D. (2014) The Internet addiction components model and personality: Establishing construct validity via a nomological network. *Computers in Human Behavior*, vol. 39, pp. 312–321. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.07.031>

Mak, K. K., Lai, C. M., Watanabe, H., Kim, D. I., Bahar, N., Ramos, M., Young, K. S., Ho, R. C., Aum, N. R. and Cheng, C. (2014) Epidemiology of internet behaviors and addiction among adolescents in six Asian countries. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 17, issue 11, pp. 720–728. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0139>

Missinne, S. and Bracke, P. (2012) Depressive symptoms among immigrants and ethnic minorities: a population based study in 23 European countries. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 47, issue 1, pp. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00127-010-0321-0>

Munno, D., Cappellin, F., Saroldi, M., Bechon, E., Guglielmucci, F., Passera, R. and Zullo, G. (2017) Internet Addiction Disorder: Personality characteristics and risk of pathological overuse in adolescents. *Psychiatry Research*, vol. 248, pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2016.11.008>

Müller, K. W., Janikian, M., Dreier, M., Wölfling, K., Beutel, M. E., Tzavara, C., Richardson, C. and Tsitsika, A. (2015) Regular gaming behavior and internet gaming disorder in European adolescents: Results from a cross-national representative survey of prevalence, predictors, and psychopathological correlates. *European Child & Adolescent Psychiatry*, vol. 24, pp. 565–574. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-014-0611-2>

Müller, K. W., Dreier, M., Duven, E., Giralt, S., Beutel, M. E. and Wölfling, K. (2017) Adding Clinical Validity to the Statistical Power of Large-Scale Epidemiological Surveys on Internet Addiction in Adolescence: A Combined Approach to Investigate Psychopathology and Development-Specific Personality Traits Associated with Internet Addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 78, issue 3, article e244–e251. DOI: <https://doi.org/10.4088/JCP.15m10447>

Nissen, A., Cauley, P., Saboonchi, F., Andersen, A. and Solberg, Ø. (2021) Mental health in adult refugees from Syria resettled in Norway between 2015 and 2017: a nationwide, questionnaire-based, cross-sectional prevalence study. *European Journal of Psychotraumatology*, vol. 12, issue 1, article 1994218. DOI: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1994218>

Özaslan, A., Yildirim, M., Güney, E., Güzel, H. and Işeri, E. (2022) Association Between Problematic Internet Use, Quality of Parent-Adolescents Relationship, Conflicts, and Mental Health Problem. *International Journal of Mental Health and Addiction*, vol. 20, pp. 2503–2519. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00529-8>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Elhai, J. D. and Montag, C. (2019) Personality Associations with Smartphone and Internet Use Disorder: A Comparison Study Including Links to Impulsivity and Social Anxiety. *Frontiers in Public Health*, vol. 7, article 127. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2019.00127>

Rachubińska, K., Cybulska, A., Szkup, M. and Grochans, E. (2021) Analysis of the relationship between personality traits and Internet addiction. *European Review for Medical and Pharmacological Sciences*, vol. 25, no. 6, pp. 2591–2599. DOI: https://doi.org/10.26355/eurrev_202103_25422

Rask, S., Suvisaari, J., Koskinen, S., Koponen, P., Mölsä, M., Lehtisalo, R., Schubert, C., Pakaslahti, A. and Castaneda, A. E. (2016) The ethnic gap in mental health: A population-based study of Russian, Somali and Kurdish origin migrants in Finland. *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 44, issue 3, pp. 281–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/1403494815619256>

Rumpf, H. J., Achab, S., Billieux, J., Bowden-Jones, H., Carragher, N., Demetrovics, Z., Higuchi, S., King, D. L., Mann, K., Potenza, M., Saunders, J. B., et al. (2018) Including gaming disorder in the ICD-11: The need to do so from a clinical and public health perspective. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, issue 3, pp. 556–561. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.59>

Schimmenti, A., Passanisi, A., Caretti, V., La Marca, L., Granieri, A., Iacolino, C., Gervasi, A. M., Maganuco, N. R. and Billieux, J. (2017) Traumatic experiences, alexithymia, and Internet addiction symptoms among late adolescents: A moderated mediation analysis. *Addictive Behaviors*, vol. 64, pp. 314–320. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2015.11.002>

Shapira, N. A., Goldsmith, T. D., Keck, P. E. Jr., Khosla, U. M. and McElroy, S. L. (2000) Psychiatric features of individuals with problematic internet use. *Journal of Affective Disorders*, vol. 57, issue 1–3, pp. 267–272. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0165-0327\(99\)00107-x](https://doi.org/10.1016/s0165-0327(99)00107-x)

Stevens, M. W., Dorstyn, D., Delfabbro, P. H. and King, D. L. (2021) Global prevalence of gaming disorder: A systematic review and meta-analysis. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, vol. 55, issue 6, pp. 553–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867420962851>

Stiglic, N. and Viner, R. M. (2019) Effects of screentime on the health and well-being of children and adolescents: a systematic review of reviews. *BMJ Open*, vol. 9, issue 1, article e023191. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-023191>

Tao, R., Huang, X., Wang, J., Zhang, H., Zhang, Y. and Li, M. (2010) Proposed diagnostic criteria for internet addiction. *Addiction*, vol. 105, issue 3, pp. 556–564. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02828.x>

Yen, J. Y., Ko, C. H., Yen, C. F., Chen, S. H., Chung, W. L. and Chen, C. C. (2008) Psychiatric symptoms in adolescents with internet addiction: comparison with substance use. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, vol. 62, issue 1, p. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1440-1819.2007.01770.x>

Young, K. S. (2013) Treatment outcomes using CBT-IA with Internet-addicted patients. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 2, no. 4, pp. 209–215. DOI: <https://doi.org/10.1556/jba.2.2013.4.3>

Zhou, X., Dere, J., Zhu, X., Yao, S., Chentsova-Dutton, Y. E. and Ryder, A. G. (2011) Anxiety symptom presentations in Han Chinese and Euro-Canadian outpatients: is distress always somatized in China? *Journal of Affective Disorders*, vol. 135, issue 1–3, pp. 111–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2011.06.049>

Submission date: 19.04.2024.

Acceptance date: 07.05.2024.